

УДК 378:82 (Высшее профессиональное образование. Художественная литература. Литературоведение)

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС И НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ В КУРСЕ БАКАЛАВРИАТА

© 2016 И.В.Некрасова

Некрасова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы. E-mail: 79277063816@yandex.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет. Россия

Статья поступила в редакцию 21.06.2016

В рамках данной статьи мы обратились лишь к некоторым заметным тенденциям современной литературы. Современная литература должна обозначить свое присутствие в школе, это аксиома. Мы, университетские преподаватели, призваны научить наших бакалавров верно отбирать авторов, понимать, анализировать их произведения. Задача вузовского курса современной и новейшей русской литературы, по нашему убеждению, – прежде всего, знакомить студентов с разнообразием происходящих процессов, показывать неоднозначность многих явлений, но ни в коем случае не давать категорических оценок, не «навешивать ярлыки». Пройдут десятилетия, появится отстраненность во взглядах и оценках, время расставит все по своим местам. *Вывод:* Разновекторность, наличие всевозможных сублитератур в рамках одной – неизменно высокой Русской Литературы – вот что обнадеживает и придает энергию в поисках новых, интересных и доказательных подходов к ее изучению.

Ключевые слова: Тенденции современной литературы, системный подход к анализу новейшего литературного процесса.

Проблема изучения новейшего литературного процесса бакалаврами и особенности преподавания современной литературы в школьном курсе – две абсолютно совместимые грани учебного процесса на филологическом факультете. Дисциплина прикладного бакалавриата «История русской литературы» в девятом семестре охватывает период с середины 1950-х годов до сегодняшнего дня. В силу хронологической протяженности и недостаточности часов студенты не успевают глубоко погрузиться в специфику новейшей русской литературы, понять жанровые и художественные стратегии современных авторов, проанализировать разноуровневые тексты, дать им филологическую и методическую оценку.

Между тем потребность в изучении тенденций современной литературы налицо: ее испытывают и практикующие учителя, и бакалавры, нацеленные на работу в школе. Эта проблема становится поводом к обсуждению на страницах «толстых» журналов, причем не только сугубо методических. В качестве примера назовем интересные статьи Дм. Дмитриева в «Новом мире» и Н.Поповой в «Знамени» [1], а также обмен репликами по обозначенной проблеме между заместителем главного редактора еженедельника «Литература» (приложения к газете «Первое сентяб-

ря») М.Сетюковой-Кузнецовой [2] и обозревателем «Нового мира» А.Василевским [3].

Дм. Дмитриев пишет, что «впервые школа и современная литература оказались на грани развода», а «у части выпускников нет представления о том, что и сейчас появляются романы, повести, стихи, которые продолжают большую литературу. Программа 11-го класса (ее колоссальный объем при ничтожно малом количестве времени на обучение), как правило, приводит к тому, что изучение русской литературы XX века заканчивается серебряным веком русской поэзии или произведениями о Великой Отечественной войне» [1, с.154]. Признаем, что это явление повсеместное. Учителя в силу объективных обстоятельств не уделяют должного внимания не только произведениям XXI века, но и шедеврам русской советской литературы второй половины XX века – в частности, деревенской, военной прозе и поэзии. Н.Попова солидарна с мнением коллеги, она справедливо считает, что сегодняшнему учителю практически неведома новейшая литература. Тем не менее «знакомить учащихся с текущим литературным процессом необходимо: иначе выпускники войдут в жизнь с твердым убеждением, что “русская классическая литература — это, конечно, неплохо, но так уже никто не пишет”, и облик писателя-

современника для них будет ассоциироваться с удачно заколачивающими деньги безликими авторами, смотрящими на них с разноцветных глянцевого обложки детективных и любовных романов» [4].

Современная литература должна обозначить свое присутствие в школе, это аксиома. Мы, университетские преподаватели, призваны научить наших бакалавров верно отбирать авторов, понимать, анализировать их произведения. Задача вузовского курса современной и новейшей русской литературы, по нашему убеждению, – прежде всего знакомить студентов с разнообразием происходящих процессов, показывать неоднозначность многих явлений, но ни в коем случае не давать категорических оценок, не «навешивать ярлыки». Пройдут десятилетия, появится отстраненность во взглядах и оценках, время расставит все по своим местам.

Между тем литературный процесс второй половины XX – начала XXI веков причудлив и оригинален. Как и любое живое явление, он претерпевает некоторые – подчас заметные – изменения от года к году.

Для того, чтобы подвести бакалавров-филологов к восприятию самобытности нынешнего литературного процесса, обязательны некоторые историко-культурные напоминания, которые помогут будущим учителям убедиться в преемственности и уникальности названного явления. Движение литературы рубежа тысячелетий и первых десятилетий XXI века генетически связано со многими общими тенденциями литературного процесса во второй половине XX века.

Бакалаврам надо помнить о публикации статьи В.Померанцева «Об искренности в литературе» [5], открывшей в 1953 году «время больших ожиданий» под названием «оттепель». Теперь, по прошествии нескольких десятилетий, ясно, что она не принесла ожидаемых глобальных результатов. Но «после литературы оттепели ... многое стало возможным, порою даже нравственно обязательным, и никакие позднейшие заморозки уже не сумели отвлечь как настоящих писателей, так и настоящих читателей ни от критического восприятия действительности, ни от взгляда на культуру как на то, что противостоит власти, социальной рутине и всякого рода идеологическому прожектёрству», – отмечает С.Чупринин [6].

Серединой 60-х – началом 80-х годов XX века принято датировать этап истории Советского государства, названный позже «эпохой застоя». Известно, что в литературе времени стагнации имели место, по меньшей мере, три самостоя-

тельных потока. Первый, самый мощный и неоднозначный, – литература официальная, так называемый «госиздат». Второй – известный ныне всем «самиздат». Третий – литература уехавших, «тамиздат». Надо признать, что единого русла не было ни в одном из обозначенных потоков.

«Госиздат» во второй половине 60-х – начале 80-х годов представлял собой колоритную смесь всего и разного. Способность или неспособность писателей ко лжи, лицемерию и приспособленчеству приводят в это время к размежеванию в стане пишущей братии. Идет оно не только в системе координат «лояльные режиму» / «диссиденты», но и в плоскости, которую остроумно обозначила Дора Штурман. В статье «Кем был Юрий Трифонов: чем отличается писатель советской эпохи от советского писателя» она пишет: «советские писатели» – это те, «которые, не веря ни в сон, ни в чох, восхваляют советскую власть и советскую жизнь всех ее времен» [7]. Писатели же «советской эпохи» «смогли создать непреходящие ценности под небывалым гнетом. В рамках потока официальной литературы сосуществовали по большей части одиозные и малохудожественные «секретарские» творения; с другой стороны – такие уникальные явления, как «деревенская» проза (произведения Валентина Распутина, Василия Белова, Федора Абрамова, Виктора Астафьева, Бориса Можаева и других), романы и повести Юрия Трифонова, стихи Андрея Вознесенского, Владимира Соколова, драматургия Александра Вампилова...

Заметным событием в истории «самиздата» в 70-е годы стал эпизод с альманахом «МетрОполь» [8]. Цель альманаха была собственно эстетической: участники стремились показать, что в современной литературе есть РАЗНЫЕ составляющие. Создание «МетрОполя» – чуть наивная, но, безусловно, искренняя попытка группы интересных, талантливых, по преимуществу – молодых авторов доказать существование достаточно мощного заповедного пласта «внекомплектной литературы».

Отрадным явлением в литературном процессе следующего этапа – примерно с 1985 по 1993 годы (иногда этот отрезок называют временем «перестройки») – можно считать лавину изданий так называемых «возвращенных», «задержанных» произведений. Именно в связи с этими публикациями фантастически вырастают в эти годы тиражи «толстых» журналов. Безусловное влияние на литературный процесс в 90-е годы оказывают разновекторные события общественного характера, в которых принимают самое непосредственное участие действующие писатели

и критики [9]. Надо признать, что настроение интеллигенции и деятелей культуры в начале и середине девяностых было во многом пессимистическим по отношению к перспективам развития современной русской литературы. Вспомним, как мы, преподаватели кафедры советской литературы, всерьез опасались, что дальнейшего развития этой самой советской (читай: современной русской) литературы – увы! – не будет. Этого, к счастью, не произошло.

Если перечислять заметные, взбудоражившие читательскую аудиторию произведения, созданные и опубликованные в эти годы, то они в основном откликаются на события, прежде считавшиеся запретными или нежелательными для художественного воплощения. Это «Белые одежды» В.Дудинцева, «Зубр» Д.Гранина, «Дети Арбата» А.Рыбакова, «Ночевала тучка золотая» А.Приставкина.

В эти годы на литературной арене появляются новые имена. Так, с 1988 года начинается деятельность Ордена куртуазных маньеристов. Широкому читателю становятся известны имена Татьяны Толстой, Виктора Пелевина, Александра Кабакова, Людмилы Улицкой. В новом качестве заявляют о себе уже ставшие популярными Галина Щербакова, Юрий Поляков, Вячеслав Пьецух... Немалые обороты набирает так называемая «массовая литература» (в числе наиболее заметных и востребованных авторов – А.Маринина, А.Бушков, Ч.Абдуллаев, П.Дашкова и др.). «Девяностые годы были “замечательным десятилетием” потому, что это было время “отдельных” писателей, работавших без оглядки на сложившуюся систему мод и групповые ценности» [10]. Таким образом, всю русскую (советскую) литературу второй половины XX века можно считать многослойной, сложно структурируемой.

Полотно русской литературы рубежа XX – XXI веков еще более калейдоскопичное, подчас вызывающе пестрое. И это объяснимо, так как оно – точное эстетическое, художественное отражение нашего времени. Мозаичны составляющие новейшего литературного процесса. Разбег, по мнению М.Черняк, – «от толстожурнальной литературы до массовой, от литературы салонов и клубов до литературы, публикуемой в Интернете» [11].

На каких же основаниях проходит выбор материала в условиях дисциплины прикладного бакалавриата? Нам кажется, что процесс знакомства студентов-филологов с современными литературными реалиями должен быть макси-

мально полным и не ориентированным на эстетические пристрастия и на научные и читательские предпочтения преподавателя.

Например, сегодня непозволительно сбрасывать со счетов, не учитывать такое мощное современное явление, как массовая литература. Отмечая ее важную роль в жизни общества, Ю.М.Лотман в свое время писал, что массовая литература «должна представлять более распространенную в количественном отношении часть литературы» [12]. Тем более, что сегодня достаточное распространение в литературе получили так называемые «вторичные тексты» – прежде всего ремейки и сиквелы. Карен Степанян считает, что у многих ремейкеров – Е.Попова, В.Сорокина, Ю.Кувалдина – несомненный художественный талант. «Порой они виртуозны в обращении со словом, их работа раскрывает связь с традициями русской классики, ее болью и ответственностью за весь мир» [13]. Сегмент вторичных текстов в общей «корзине» новейшей литературы увеличивается за счет значимой современной авторской стратегии «игра с классикой» [14], с которой достаточно успешно солидаризируется тенденция использования филологического контекста – литературного, языкового – в современных произведениях. Это подметила и критика, активизируя понятие «филологическая проза». Мы полностью согласны с мнением Вл. Новикова, который утверждает, что «филологичность – неотъемлемое свойство всей полноценной прозы конца XX – начала XXI века» [15].

Яркие публикации последнего десятилетия – роман Брэйна Дауна (Дмитрия Быкова) «Код Онегина», сюжет которого абсолютно литературоцентричен, романы Андрея Геласимова «Рахиль», Людмилы Улицкой «Зеленый шатер», Елены Чижовой «Крошки Цахес» и «Терракотовая старуха», в которых литература и филология становятся одной из основных семантических плоскостей. А произведения Галины Щербаковой «Яшкины дети» и Максима Осипова «Маленький лорд Фаунтлерой» – прямой и откровенный диалог с Чеховым (у Щербаковой) и американской писательницей конца XIX века Ф.-Х.Бернетт (в рассказе Осипова). Подобный диалог произведения, ставшего уже классическим, с созданным недавно текстом наблюдаем в повести В.Распутина «Прощание с Матерой» и романе Р.Сенчина «Зона затопления»; в «Давно, на Ленинской-Дворянской» М.Арсеньевой и хрестоматийном «Один день Ивана Денисовича» А.Солженицына.

Показательный факт: сегодня очень многие писатели в качестве центральных персонажей своих произведений выбирают именно филолога. «Последняя Ева» А.Берсеновой, «Умница, красавица» Е.Колиной, «Качество жизни» А.Слаповского, пьеса М.Осипова «Русский язык и литература», «Училка» Н.Терентьевой, «Черновик» М.Нянковского, «Люди в голом» А.Аствацурова [16] – во всех этих и других разнокачественных книгах в той или иной мере представлен филологический контекст, все они так или иначе обращают читателя в мир литературы, «играют» с классикой. Заметим, что многие из названных творений проходят по ведомству «массовой литературы».

Как оценивать эту неоспоримую тенденцию? Литературоведы пытаются дать ответ на этот вопрос [17].

Обратимся к еще одной востребованной авторской стратегии, многократно применяемой современными писателями. В XX веке случилась «автобиографизация литературного пространства» [18], которая продолжается по сей день. Она проявлена, в частности, в такой сюжетоформирующей установке, как использование авторами документов, фактов собственной жизни. Также в этих текстах явно открытое авторское присутствие, близость автора биографического, концептуального и автора – героя [19]. Можно отметить как тенденцию стремление названных художников к «беллетризации мемуаров, их ориентацию на ... вымысел, и одновременно [на] “*мемуаризацию художественной прозы*”» [20].

В рамках данной статьи мы обратились лишь к некоторым заметным тенденциям современной литературы.

При создании, дополнении курса истории литературы рубежа XX – XXI веков, при разработке новых программ непременно встает вопрос о системности в анализе новейшего литературного процесса. Надо признать, что на смену системности сегодня приходит беспорядочность. Разнородность в использовании современными писателями методов, направлений и стилей позволяет многим критикам и литературоведам применять такие термины, как «иная», «другая», «альтернативная» литература. Понятно, что подобные определения не могут быть фундаментальными, краеугольными в силу своей расплывчатости, «ибо под эти рубрики можно ввести практически весь корпус создаваемых ... произведений» [6, с.305]. Столь же туманны сегодня и признаки реализма. Его трансформации обозначаются как «постреализм», «новый реализм», «трансметареализм», «экзистенциальный

реализм» и пр. То есть координаты «метод – направление» из системы уходят.

На рубеже веков активизировались русские писательницы. Многие их произведения, без сомнения, обогатили нашу литературу, стали украшением современного литпроцесса. Это позволило во весь голос заговорить о так называемой «женской прозе». Присоединяемся к мнению тех, кто не признает ее присутствия в «большой» литературе: «Такого ведомства («женская литература». – *И.Н.*) просто не существует. Не нужно путать с другим ведомством: “дамская литература”. Такое есть» [20]. Другими словами, отпадает и система координат «женская» / «мужская» литература.

Третья системная константа – жанровые признаки. Но и здесь мы вынуждены констатировать практически полную размытость и так не очень-то прочных жанровых границ. Новейшая литература все чаще использует те жанровые модели, которые принято называть «авторскими жанровыми формами» [21]. Во многих произведениях новейшей русской литературы жанровые модификации, аструктурированность все чаще становятся мощным, а подчас и основным сюжетобразующим фактором. Например, жанровая трансформация и ризоматический принцип построения свойствен произведению Алексея Слаповского «Анкета». Евгений Попов обозначил свою книгу «Подлинная история “зеленых музыкантов”» как «роман-комментарий». Авторское жанровое обозначение произведения Светланы Василенко «Дурочка» – «роман-житие». Нарушение привычных жанровых границ легко выявить в романах Людмилы Улицкой («Казус Кукоцкого», «Даниэль Штайн, переводчик», «Лестница Якова»? в повести Юлии Вознесенской «Путь Кассандры, или Приключения с макаронами». Примеры можно продолжать. Но вряд ли жанровый принцип, как, впрочем, и тематический, и способ организации повествования, могут стать основополагающими, системными в характеристике особенностей нынешней литературы.

Что же в итоге послужит основой в системном подходе к анализу новейшего литературного процесса? Наверное, присутствие *творческой личности* в его эпицентре. Уверены, что это наиболее продуктивный организующий момент, ведь «крупные писательские индивидуальности играют сегодня роль своеобразных энергетических центров, от которых осуществляется отсчет эволюционных маршрутов» [20, с.28] Такое живое явление, как новейший литературный процесс, требует особой корректности в оценках, в выборе приоритетов, предполагает толерантное

отношение к различным проявлениям творческой индивидуальности. Прошли те времена, когда мы справляли поминки по нашей литературе, когда современная литература считалась зоной зла [22]. Разновекторность, наличие всевозможных сублитератур в рамках одной – неизменно высокой Русской Литературы – вот что

обнадеживает и придает энергию в поисках новых, интересных и доказательных подходов к ее изучению. Вот что позволяет бакалаврам – будущим учителям литературы – не теряться в лабиринтах современного литературного процесса и разгадывать его загадки.

1. Дмитриев, Д. «...Чему-нибудь и как-нибудь...»: современная русская литература в средней школе // Новый мир. 2002. № 2. С. 102; Попова, Н. Александр Грибоедов против Марии Ватутиной, или Нужно ли школьным учителям преподавать современную литературу // Знамя. 2011. № 5. С. 82.
2. М. Сетюкова-Кузнецова, в частности, задается вопросом: должен ли заинтересованный интеллигентный учитель делать вид, что Пелевина и Сорокина не существует, и призывает школьных учителей обратить внимание на современные произведения.
3. См.: «... и моя точка зрения имеет право на существование» // Новый мир. 2001. № 8. 94.
4. Попова, Н. Александр Грибоедов против.... С. 79. Также можно вспомнить, что, например, предмета «современная литература» в Царскосельском лицее не было, но его ученики следили за новинками, читали и обсуждали выходящие тогда в журналах произведения.
5. Померанцев, В. Об искренности в литературе // Новый мир. 1953. № 12. С. 7–24.
6. Чупринин, С. Большой путеводитель. Русская литература сегодня. М., Изд-во МГУ, 2007. С. 23.
7. Штурман, Д. Кем был Юрий Трифонов: Чем отличается писатель советской эпохи от советского писателя // Литературная газета. 1997. 22 октября. С. 8–9.
8. См.: Ерофеев, Вик. Время «МетрОполя» // МетрОполь: Литературный альманах. М., «Подкова», «Деконт»1999. С. 3–9.
9. Например, Ел. Чуковская публикует в «Книжном обозрении» статью с призывом вернуть советское гражданство А.И.Солженицыну, начать издание его произведений на родине. См.: Книжное обозрение. 1988. № 8. С. 69–72.
10. Немзер, А. Замечательное десятилетие // Русская литература XX века в зеркале критики: Хрестоматия. СПб., Изд-во Филологический ф-т СПбГУ, Академия, 2003. С. 67.
11. Черняк, М.А. Отечественная проза XXI века: предварительные итоги первого десятилетия. СПб., САГА; М., ФОРУМ, 2009. 175 с. С. 132.
12. Лотман, Ю.М. Массовая культура как историко-культурная проблема // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, Изд-во Александрия, 1994. 1440 с. Т. 3. С. 819.
13. Степанян, К.В. Игра в осколки. Судьбы русской классики в эпоху постмодернизма // Знамя. 2004. № 2. С. 101.
14. См., напр.: «Чайка» Б.Акунина, «Накануне накануне» Е.Попова, «Генеральская дочка» Д.Стахова, «Княгиня Вереysкая» Н.Силинской и др.
15. Цит. по: Чупринин, С. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. М., Изд-во Время, 2007. 786 с. С. 608
16. Андрей Аствацуров – филолог, внук В.Жирмунского.
17. См., в частности: Савкина, И. «Поцелуй вампира»: убивает или сохраняет классику современная массовая литература? // Кризис литературоцентризма. Утрата идентичности vs новые возможности: монография. М., Изд-во Флинта, 2014. С. 95–114.
18. Лежен, Ф. В защиту автобиографии // Иностранная литература. 2000, № 4. С. 114.
19. Мемуарные черты можно отыскать в романах В.Аксенова «Ожог», «Скажи изюм»; «Редкие земли», «Таинственная страсть: Роман о шестидесятниках»; Дм. Пригова «Живите в Москве»; В.Войновича «Автопортрет. Роман моей жизни»; повести Л.Петрушевской «Маленькая девочка из "Метрополя"» и мн. др.
20. Русская литература XX века в зеркале критики: Хрестоматия. СПб., Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2003. С. 23.
21. См.: Звягина, М. Трансформация жанров в русской прозе конца XX века: автореф. дис.... д-ра. филол. наук. М., 2002. С. 42.
См., напр., статьи Вик. Ерофеева «Поминки по советской литературе» и «Русские цветы зла».

MODERN LITERARY PROCESS AND NEW APPROACHES TO ITS STUDYING FOR A BACHELOR'S DEGREE

© 2016 I.V.Nekrasova

Irina Vladimirovna Nekrasova, Candidate of philology, Associate professor of Russian and foreign literature and methods of teaching literature. E-mail: 79277063816@yandex.ru

Samara State University of Social Sciences and Education. Russia

In this article we only address some noticeable tendencies of modern literature. Modern literature has to designate its presence at school, which is an axiom. We, university teachers, are called on to teach our bachelors to correctly select authors, to understand, analyze their works. The aim of a higher school course of modern and latest Russian literature, in our strong belief, is first of all to acquaint students with a variety of the happening processes, to show ambiguity of many phenomena, but by no means to give categorical estimates, not to "hang labels". Decades will pass, detachment in views and estimates will appear, time will sort things out. *Conclusion*: "Multi-vectorness", existence of various sub-literatures within one – permanently high Russian Literature – that is what encourages and gives energy in search of new, interesting and evidential approaches to its studying.

Keywords: tendencies of modern literature, system approach to the analysis of the latest literary process.

1. Dmitriev, D. «...Chemu-nibud' i kak-nibud'...»: sovremennaiia russkaia literatura v srednei shkole ("... Something and somehow...": modern Russian literature at high school) // *Novyi mir*. 2002. № 2. S. 102; Popova, N. Aleksandr Griboedov protiv Marii Vatutinoi, ili Nuzhno li shkol'-nym uchiteliam prepodavat' sovremennuiu literaturu (Alexander Griboedov against Maria Vatutina or whether It is necessary to teach school teachers modern literature) // *Znamia*. 2011. № 5. S. 82.
2. M. Setiukova-Kuznetsova, v chastnosti, zadaetsia voprosom: dolzhen li zainteresovannyi intelligentnyi uchi-tel' delat' vid, chto Pelevina i Sorokina ne sushchestvuet, i prizyvaet shkol'nykh uchitelei obratit' vnima-nie na sovremennye proizvedeniia (M.Setyukova-Kuznetsov, in particular, asks a question: whether an interested intellectual teacher has to pretend that Pelevin and Sorokin do not exist, and urges school teachers to pay attention to modern works).
3. Sm.: «... i moia tochka zreniia imeet pravo na sushchestvovanie» ("... and my point of view has the right to exist") // *Novyi mir*. 2001. № 8. 94.
4. Popova, N. Aleksandr Griboedov protiv (Alexander Griboedov is against).... S. 79. Takzhe mozno vspomnit', chto, naprimer, predmeta «so-vremennaiia literatura» v Tsarskosel'skom litsee ne bylo, no ego ucheniki sledili za novinkami, chitali i obsuzhdali vykhodiashchie togda v zhurnalakh proizvedeniia (One may also remember that, for example, the subject "modern literature" did not exist in Tsarskoye Selo Lyceum, but its pupils were aware of latest books, read and discussed the works appearing in magazines).
5. Pomerantsev, V. Ob iskrennosti v literature (About sincerity in literature) // *Novyi mir*. 1953. № 12. S. 7–24.
6. Chuprinin, S. Bol'shoi putevoditel'. Russkaia literatura segodnia (Big guide. Russian literature today). M., Izd-vo MGU, 2007. S. 23.
7. Shturman, D. Kem byl Iurii Trifonov: Chem otlichaetsia pisatel' sovet'skoi epokhi ot sovet'skogo pisatel'ia (Who was Yury Trifonov: How the writer of the Soviet era differs from the Soviet writer) // *Literaturnaia gazeta*. 1997. 22 oktiabria. S. 8–9.
8. Sm.: Erofeev, Vik. Vremia «MetrOpolia» (Time of Metropolis) // *MetrOpol': Literaturnyi al'manakh*. M., «Podkova», «Dekont»1999. S. 3–9.
9. Naprimer, El. Chukovskaia publikuet v «Knizhnom obozrenii» stat'iu s prizyvom vernut' sovet'skoe grazhdanstvo A.I.Solzhenitsynu, nachat' izdanie ego proizvedeniia na rodine (For example, E. Chukovskaya publishes in "Book review" an article with an appeal to return Soviet citizenship to A.I.Solzhenitsyn, to begin publishing of his works back home). Sm.: *Knizhnoe obozrenie*. 1988. № 8. S. 69–72.
10. Nemzer, A. Zamechatel'noe desiatiletie. Russkaia literatura XX veka v zerkale kritiki (Remarkable decade. Russian literature of the 20th century as reflected in criticism): *Khrestomatiia*. SPb., Izd-vo Filologicheskii f-t SPbGU, Akademiia, 2003. S. 67.
11. Cherniak, M.A. Otechestvennaia proza XXI veka: predvaritel'nye itogi pervogo desiatiletiia (Domestic prose of the 21st century: preliminary results of the first decade). SPb., SAGA; M., FORUM, 2009. 175 s. S. 132.
12. Lotman, Iu.M. Massovaia kul'tura kak istoriko-kul'turnaia problema (Mass culture as historical and cultural problem) // Lotman Iu.M. *Izbrannye stat'i*. Tallinn, Izd-vo Aleksandriia, 1994. 1440 s. T. 3. S. 819.
13. Stepanian, K.V. Igra v oskolki. Sud'by russkoi klassiki v epokhu postmodernizma (Shatter game. Destinies of the Russian classics during the postmodernism era) // *Znamia*. 2004. № 2. S. 101.

14. Sm., napr.: «Chaika» B.Akunina, «Nakanune nakanune» E.Popova, «General'skaia dochka» D.Stakhova, «Kniaginia Vereiskaia» N.Silinskoj i dr. (See, for example: B.Akunin's "Seagull", E.Popov's "The day before the day before", D.Stakhov's "The general's daughter", N.Silinskaya's "Duchess Vereysky", etc.).
15. Tsit. po: Chuprinin, S. Russkaia literatura segodnia: Zhizn' po poniatiim (Russian literature today: Life by the criminal code). M., Izd-vo Vremia, 2007. 786 s. S. 608
16. Andrei Astvatsurov–filolog, vnuk V.Zhirmunskogo (Andrey Astvatsurov–philologist, V.Zhirmunsky's grandson).
17. Sm., v chastnosti: Savkina, I. «Potselui vampira»: ubivaet ili sokhraniaet klassiku sovremennaia massovaia literatura? ("Vampire's kiss": does modern popular literature kill or preserve classics?) // Krizis literaturotsentrizma. Utrata identichnosti vs novye vozmozhnosti: monografiia. M., Izd-vo Flinta, 2014. S. 95–114.
18. Lezhen, F. V zashchitu avtobiografii (In defence of the autobiography)/ Inostrannaia literatura. 2000, № 4. S. 114.
19. Memuarnye cherty mozno otyskat' v romanakh V.Aksenova «Ozhog», «Skazhi izium»; «Redkie zemli», «Tainstvennaia strast': Roman o shestidesiatnikakh»; Dm. Prigova «Zhivite v Moskve»; V.Voinovicha «Avtoportret. Roman moei zhizni»; povesti L.Petrushevskoi «Malen'kaia devochka iz "Metropolia"» i mn. dr. (Memoir traces can be found in V. Aksenov's novels "Burn", "Say raisin"; "Rare lands", "Mysterious passion: The novel about men of the sixties"; Dm. Prigov's "Live in Moscow"; V. Voynovich's "Self-portrait. Novel of my life"; L. Petrushevskaya's stories "The little girl from Metropol" and many others.).
20. Russkaia literatura XX veka v zerkale kritiki: Khrestomatiia (The Russian literature of the XX century as reflected in criticism: Anthology). SPb., Izd-vo «Russko-Baltiiskii infor-matsionnyi tsentr «Blits», 2003. S. 23.
21. Sm.: Zviagina, M. Transformatsiia zhanrov v russkoi proze kontsa XX veka (Transformation of genres in the Russian prose of the end of the XX century): avtoref. dis.... d-ra. filol. nauk. M., 2002. S. 42.
22. Sm., napr., stat'i Vik. Erofeeva «Pominki po sovetской literature» i «Russkie tsvety zla» ("The Soviet literature funeral feast" and "The Russian flowers of the evil").